

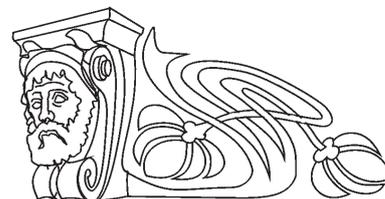


Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 441–446
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 441–446
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-441-446>, EDN: BOXIVY

Научная статья
УДК 32. 019.3

Основные научные трактовки новых маркеров политической идентификации молодежи в современной России



А. А. Вилков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Вилков Александр Алексеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, vil57@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4277-0372>

Аннотация. В статье рассмотрены главные тенденции осмысления политической идентификации основных групп российской молодежи в последние полтора года. На основе анализа новейшей научной литературы по данной проблематике выявлено, что внимание исследователей продолжает привлекать разработка методологии анализа различных структур идентичности молодежи, обоснование новых видов их типологии, возможностей комбинирования различных матриц идентификации для более точного соотнесения идейно-мировоззренческого и деятельностного позиционирования представителей молодого поколения. В научном дискурсе значительно ослабла позиция сторонников либеральной трактовки гражданской идентичности на основе обоснования приоритетности гражданских прав и свобод личности. Доминирующее значение приобретает позиция, сторонники которой фактически отождествляют гражданскую идентичность и национальную идентичность. Это обусловлено, прежде всего, официальной установкой на внедрение в массовое сознание молодежи понимания социальной значимости государства и его функциональности и необходимости стимулирования соответствующей активной гражданской позиции каждого индивида в защите интересов данного государства и общества в целом. Сделан вывод о том, что большинство исследователей не затрагивают особенности идентификации различных групп российской молодежи по отношению к СВО России на Украине. С одной стороны, это вполне объяснимо, учитывая сложность ситуации и неоднозначные возможные последствия в отношении каких-либо критических оценок со стороны исследователей. С другой стороны, существует потребность в объективном осмыслении новых линий размежеваний, которые по своей мотивационной значимости нередко ранжируются на более высоком уровне, чем традиционные партийно-идеологические и мировоззренческие предпочтения российской молодежи. Осмысление данных маркеров идентификации представляет собой важнейшую в теоретическом и практическом смыслах научную задачу.

Ключевые слова: политические идентичности, патриотическое воспитание молодежи, маркеры политической идентификации, структура политической идентичности

Благодарности. Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Особенности политической идентичности провинциальной российской молодежи», поддержанного Экспертным институтом социальных исследований (ЭИСИ) совместно с Министерством науки и высшего образования РФ и Российской академией наук.

Для цитирования: Вилков А. А. Основные научные трактовки новых маркеров политической идентификации молодежи в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 441–446. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-441-446>, EDN: BOXIVY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Basic scholarly interpretations of new markers of political identification of youth in modern Russia

A. A. Vilkov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alexander A. Vilkov, vil57@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4277-0372>

Abstract. The article examines the main trends in understanding political identification of the main groups of Russian youth in the last year and a half. Based on the analysis of the latest scholarly literature on this issue, it has been revealed that the attention of researchers continues to be attracted by the development of a methodology for analyzing various structures of youth identity, the justification of new types of their typology, the possibilities of combining various identification matrices for a more accurate correlation of the ideological, worldview and activity positioning of representatives of the younger generation. In scientific discourse, the position of supporters of a liberal interpretation of civic identity based on the justification of the priority of civil rights and individual freedoms has significantly weakened. The position whose supporters actually equate civic identity and national identity acquires dominant significance. This is due, first of all, to the official goal of introducing into the mass consciousness of young people an understanding of the social significance of the state and its functionality and the need to stimulate the corresponding



active civic position of each individual in protecting the interests of the state and society as a whole. It is concluded that most researchers do not touch upon the specifics of identifying various groups of Russian youth in relation to the special military operation in Ukraine. On the one hand, this is understandable, given the complexity of the situation and the ambiguous possible consequences regarding any critical assessments on the part of researchers. On the other hand, there is a need for an objective understanding of new lines of demarcation, which, in terms of their motivational significance, are often ranked at a higher level than the traditional party-ideological and worldview preferences of Russian youth. Understanding these identification markers is the most important scientific task in theoretical and practical senses.

Keywords: political identities, patriotic education of youth, markers of political identification, structure of political identity

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the research project "Features of the political identity of provincial Russian youth", supported by the Expert Institute for Social Research (EISR) together with the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Russian Academy of Sciences.

For citation: Vilkov A. A. Basic scholarly interpretations of new markers of political identification of youth in modern Russia. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 441–446 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-441-446>, EDN: BOXIVY

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Проблематика политической идентичности российской молодежи является одной из самых востребованных в предметном поле российских исследователей [1–9]. Обусловлено это не только специфическими характеристиками данной группы, высокими социальными рисками радикализма и оппозиционности ее участия в политике, но и тем, что структура политической идентичности молодежи постоянно подвержена изменениям под воздействием текущих внутренних и внешних обстоятельств. В условиях проведения СВО России на Украине появилось много новых факторов политической идентификации российской молодежи, которые нуждаются в объективном и всестороннем исследовании. Например, наряду с традиционными возрастными объединениями в интернет-пространстве и в реальной жизни по различным интересам, а также идеологическим и идейно-мировоззренческим линиям размежевания «свой-чужой», для российской молодежи более значимыми стали критерии идентификации по отношению к СВО. Приоритетность значимости эмоциональных факторов над идеологическими и мировоззренческими аргументами изменила конфигурацию оппозиционности/лояльности различных групп российской молодежи и нуждается в конкретном изучении и осмыслении.

Еще одним фактором актуализации данной проблематики является то, что среди исследователей различных аспектов политической идентичности и ее соотношения с другими уровнями идентичности российской молодежи нет единого понимания сущности данного понятия и методологии его изучения. Многие трактовки базовых понятий продолжают оставаться дискуссионными и противоречивыми. Это касается, например, трактовки понятия «гражданская идентичность».

По мнению В. С. Ерохина, «гражданская идентичность личности, таким образом, выражается в форме совокупности норм, регламентирующих правовой, гражданский и политиче-

ский статус персоны, а также осознание себя в качестве социального существа, обладающего консолидирующими и дифференцирующими признаками» [10, с. 76]. Как представляется, введение категории «персоны» для раскрытия гражданской идентичности личности вряд ли можно рассматривать в качестве продуктивной инновации. Но главное, что такой подход правовые основы и нормативные условия для возможных проявлений гражданской идентичности конкретных людей отождествляет с самой этой идентичностью, которая зависит от многих других факторов (возрастных, гендерных, социальных, этноконфессиональных и др.).

Практический подход к измерению гражданской идентичности молодежи представили в своей статье 2022 г. методисты «Артека» Ю. В. Желудько и А. В. Вашкевич. Он обоснован авторами в виде опросника для детей 12–17 лет и состоит из 50 утверждений, каждое из которых подростки должны были оценить по шкале от 0 до 10 баллов. В рамках этих четырех групп (когнитивный, эмоционально-оценочный, ценностно-ориентировочный и деятельностный компоненты) утверждения распределяются еще по трем подгруппам (этническая, общероссийская, общекультурная составляющая). Авторы обосновывают доступность опросника, сформулированного с учетом возрастных особенностей опрашиваемых [11].

Как представляется, методический посыл авторов интересный, но в связи с событиями последних лет нуждается в существенной корректировке. Статья не содержит перечня предлагаемых подросткам утверждений, но об их содержании позволяет судить концентрированное изложение их сути, сведенное в таблицу. В эмоционально-оценочном компоненте в рамках общекультурной составляющей речь идет об отношении «к своей принадлежности к мировому сообществу, осознание себя “человеком мира”; отношение к системе общекультурных (общечеловеческих) ценностей»; в ценностно-



ориентировочном компоненте – о наличии или отсутствии «сформированной системы общекультурных (общечеловеческих) ценностей»; в деятельностном (поведенческом) компоненте – об участии в «производительном труде во благо процветания мирового сообщества и для личностной самореализации; бережное отношение к окружающей природе и пр.» [11, с. 319–320]. Как представляется, данные формулировки показывают, как глубоко укоренились в постсоветской отечественной школе либерально-глобалистские представления о «гражданах мира» и «общечеловеческих ценностях». В условиях борьбы России за формирование институциональных и нормативных основ многополярного мира такой подход, очевидно, ретуширует тот факт, что сегодняшняя глобалистская модель развития мира реально является инструментом обеспечения интересов США и их союзников.

Очень важную методологическую проблему обозначил профессор С. В. Расторгуев, который представил критический анализ использования различных типов политической идентичности молодежи в научном дискурсе современной России. По его мнению, традиционное использование в качестве критериев идентификации различных социальных групп идеологического континуума «левые-правые» вызывает серьезные замечания, поскольку «в классификации присутствуют объекты, выделенные по разным критериям. Социал-демократы, либералы и коммунисты представляют собой классические типы идеологий; русские националисты представляют собой этнонациональную разновидность идеологии национализма; сторонники режима “твердой руки” выделены по принципу функционирования политического режима; аграрники являются гибридной формой от политической партии 1990-х гг. и типа населенного пункта» [12, с. 30]. В результате нередко возникает диссонанс между выявленной исследователями приверженностью российской молодежи к социал-демократическим и либеральным ценностям и реальной электоральной статистикой голосования за партии и кандидатов другой идеологической приверженности. С этим вполне можно согласиться, так как наши исследования данной проблемы также показывают, что у молодежи нет четкого понимания сути и ценностных основ той идеологии, сторонниками которой они себя позиционируют во время репрезентативных опросов. Материалы фокус-групп подтверждают отсутствие системных и осознанных представлений групп молодежи о ценностях различных идеологий в современной России. Причина заклю-

чается не только в недостатках преподавания обществознания в отечественных школах, но и в реальных особенностях деятельности основных российских партий. Предвыборные программы последних в большинстве случаев представляют собой компиляцию ценностей и принципов различных идеологий в совокупности с лозунгами на злобу дня.

Для разрешения обозначенной проблемы С. В. Расторгуев предлагает для построения типологии политической идентичности российской молодежи, наряду с традиционной шкалой «левые – правые», использовать матрицу «активность – пассивность» и «лояльность – нелояльность» [12, с. 32]. Достаточно подробно автор раскрывает характеристики параметров идентификации по каждой из матриц. На основе данных опросов общественного мнения он оценивает долю молодежи в каждом из полей матрицы следующим образом: «поле “лояльность–активность”: 12%–15% (среднее – 13,5%); поле “лояльность–пассивность”: 65%–68% (среднее – 66,5%); поле “нелояльность–активность”: 5%–8% (среднее – 6,5%); поле “нелояльность–пассивность”: 12%–15% (среднее – 13,5%)» [12, с. 34].

Как видится, выделение таких полей целесообразно дополнить исследованием структуры идентичностей представителей каждой из данных групп на предмет ранжированной оценки степени их значимости для индивида. Дело в том, что политическая идентичность индивида включена в структуру многих других его социальных идентичностей (Я россиянин, Я русский, Я житель Нска, Я житель конкретного микрорайона Нска, Я студент, Я студент конкретного вуза, Я рокер, Я фанат футбольного клуба, Я поклонник группы «Любе» и т.д.). Значимость соотнесения Я и Мы в каждой из этих идентичностей будет очень конкретной. В качестве примера можно привести ситуацию 1996 г., когда для поддержки Б. Н. Ельцина на выборах президента газета «Не дай Бог!» (кроме публикации карикатур на Г. А. Зюганова) стимулировала политическую активность различных групп российской молодежи с помощью обращений к отнюдь не политическим ее интересам. Группе фанатов В. Высоцкого от лица М. Влади сообщали, что «ему запрещали петь». О. Табаков извещал своих поклонников, что он «голосует против коммунистов». Ему вторил М. Боярский, заявляя, что «у коммунистов большой воровской опыт». Г. Жженов: «Наши внуки будут свободными людьми». Поклонникам тяготящейся «Санта Барбары» американские актеры сообщали: «Мы все за вас очень переживаем». Любителям бразильского сериала «Тропиканка»



актриса обосновала свой лозунг «За демократию на всех широтах». Десяткам миллионов своих поклонников в России Ж. Депардье раскрыл тезис о том, что «коммунизм бесперспективен». Н. Михалков: «Россию нельзя бросать на орлянку». Идентичные критические сообщения предоставили газете П. Ришар, Б. Бардо, В. Руффо, А. Джиграханян, Н. Расторгуев, И. Чурикова, Л. Броневова, Ю. Шевчук и многие другие. Актеры, певцы, танцоры, футболисты, хоккеисты, юмористы и т.д. и т.п. не просто сообщали об антикоммунистической позиции своим фанатам, но и стремились воздействовать на ключевой неполитический интерес данной группы. Так, М. Жванецкий заявил, что в случае победы Г. Зюганова он уедет в Израиль и больше не порадует своих почитателей. Тренер одного из ведущих футбольных российских клубов сообщил своим фанатам, что вместе с командой уедет за рубеж в случае прихода к власти коммунистов. Очевидно, что для реальных любителей футбола этот фактор, обусловленный идентификацией группы «Мы фанаты» будет более значимым, чем их идентификация по обозначенным выше политическим идентичностям.

Не случайно, что одна из самых известных отечественных специалистов по обозначенной проблематике И. С. Семененко политику идентичности определяет «как “деятельность субъектов политического процесса по формированию и поддержанию национальной, гражданской и иных форм макрополитической идентичности” и как “борьбу групп за право на общественное признание... как носителей определенной идентичности” с использованием средств и инструментов символической политики, языковой политики, политики памяти, различных практик в сфере культуры, образования, спорта» [13, с. 66]. Именно такая трактовка многомерности идентичности дает возможность учитывать все многообразие маркеров идентификации конкретного индивида по самым различным основаниям и выявлять их мотивационную значимость для повседневной деятельности и формирования отношения к различным социальным процессам и событиям, в том числе и в сфере политики.

Некоторые исследователи для анализа процессов фрагментации национальной идентичности используют понятие стигматизации. В. М. Капицын разделяет ее на две составляющие – внешнюю и внутреннюю. По его мнению, «внутренняя стигматизация – сознательно направляемые действия и стихийные процессы, вызывающие у граждан осуждение своей государственной власти и соотечественников, которые эту власть поддерживают, “государевых лю-

дей” – полиции, госслужащих, военных, членов их семей» [1]. Особую опасность представляет эффект «резонанса»: «воздействий внешней и внутренней стигматизации. Это – “крайняя” стадия стигматизации, означающая состояние романтично-утопической восторженности относительно лозунгов перемен, ориентирующих на западные ценности и “блага”, оправдывающие смену власти ради “быстрых” демократических перемен. Подобная интерпретация, внедряемая в представления элит и массовое сознание, усиливает негативные контриденциальности с их настроением на отчуждение от власти, позволяет разрушать национальную идентичность и переводить общество в крайнее состояние стигматизации» [1]. Более развернутое обоснование понятия контриденциальности представлено автором еще в одной статье, где в качестве примера приводятся анархистские, «пугачевские» свойства характера русского народа [14, с. 50].

Наши исследования также показывают, что среди современной российской молодежи наиболее системное и осмысленное понимание близкой им идеологии присуще именно сторонникам анархизма. Несмотря на свою малочисленность (к анархистам отнесли себя не более 1% от опрошенных в 2022 г. 670 респондентов), только приверженцы этой идеологии продемонстрировали последовательность и логичность в ответах на все открытые и закрытые, а также перекрестные вопросы. Однако абсолютное большинство участников опроса идентифицировали себя в качестве сторонников идеологий, не соотносимых с понятием формирования контриденциальности. Поэтому стремление автора к повсеместному использованию этого термина не представляется оправданным, в отличие от понятия стигматизации, которое реально применимо для анализа особенностей формирования политической культуры российской молодежи в условиях гибридной войны против России.

Ростовские исследователи для анализа сложных структур идентичностей обосновывают понятие «гибридность» [15]. По их мнению, «механизмы гибридной идентификации основываются на социальной гибридации в виде гибридного социального пространства, выраженного в смешении территориально-географических локаций, политических, экономических, социокультурных, поколенческих и этнических границ и субкультур. Процесс социальной гибридации рассматривается как основной фактор формирования гибридной идентичности» [15, с. 16]. Несмотря на наличие тавтологии в определении, его авторы отразили суть тех тенденций, которые характерны не



только для полиэтничных регионов России с наличием большого количества мигрантов, но и для всей страны с учетом все большего значения тех линий размежеваний и новых маркеров идентификации, которые проявляются в интернет-пространстве.

Для России особенно важно осмысление специфики региональной идентичности, которая также имеет несколько трактовок в научном дискурсе современной России.

И. В. Самаркина и И. С. Башмаков используют понятие локальной (городской, поселенческой, соседской) идентичности: Она является «низовым уровнем территориально-пространственной идентификации и связана с чувством сопричастности человека месту его проживания и/или происхождения. Концептуальная модель анализа локальной идентичности молодежи включает: параметры субъекта (молодежи), определяющие специфику этой социально-демографической группы; содержание феномена локальной идентичности; параметры объекта идентификации – поселения или иного места, значимого на данном жизненном этапе личности; практики социальной активности, в которых реализуется локальная идентичность; систему факторов, влияющих на процесс актуализации, формирования и динамики локальной идентичности; механизмы конвертации локальной идентичности в общественные практики» [16, с. 102]. Данное определение, на наш взгляд, носит универсальный характер и может быть использовано для анализа соотношения идентификации места проживания индивида со всеми другими структурными элементами его идентичности. Это особенно важно, например, для выявления особенностей характера провинциального патриотизма и осмысления определенного противоречия различных его уровней. Наши исследования 2021 и 2022 гг. показали, что патриотизм на уровне поддержки внешней политики Российского государства у провинциальной молодежи выше, чем в крупных городах. Условно говоря, молодые люди из райцентра демонстрируют более высокую готовность поддержки СВО России на Украине, чем представители молодежи областного центра в целом. При этом готовность реализовывать себя и свои интересы в родном поселке/городе молодежь демонстрировала на гораздо меньшем уровне, чем молодежь более крупных городов. Очевидное объяснение данного противоречия худшими бытовыми и социально-экономическими условиями небольших поселений, на наш взгляд, недостаточно.

И. Н. Воробьева представила вариант измерения уровня территориальной идентично-

сти на основе эмоционального и поведенческого компонентов. Эмоциональный компонент, по ее мнению, можно измерить с помощью вопросов, которые затрагивают позитивные/негативные чувства респондентов по отношению к региону своего проживания, вплоть до выяснения перспектив возможного переезда в другой субъект Российской Федерации. Поведенческий компонент выявляется посредством вопросов о степени готовности к участию в развитии региона и желания брать на себя ответственность за все его проблемы [17]. Фактически автор рассматривает регион и территорию как синонимы, хотя их смысловое толкование нередко зависит от конкретного контекста и не всегда совпадает.

Аналитические возможности использования понятия «секьюритизация политики идентичности» представлена в статье Л. А. Фадеевой. Рассмотрев различные примеры использования данного конструкта во внутренней и внешней политике различных стран в последние десятилетия, автор констатирует: «Определение ключевых угроз по отношению к коллективной идентичности, предложение вариантов реакции на такие угрозы, стратегии противодействия угрозам – все это характеризует современные практики секьюритизации политики идентичности» [18, с. 108]. В качестве наиболее актуального направления использования данного конструкта в нашей стране Л. А. Фадеева видит обоснование на официальном уровне миссии России в качестве защитника фундаментальных традиционных ценностей. Соответственно, обосновывается и необходимость консолидации общества для защиты от внутренних и внешних угроз ценностям патриотизма, традиционной семьи и другим духовно-нравственным ценностям. Думается, что данный конструкт вполне применим также и для понимания предпосылок и причин гражданской войны на Украине, возвращения Крыма в состав России, начала СВО и признания новых субъектов Российской Федерации.

Подводя итог проведенному анализу новейшей литературы по проблематике политической идентичности, можно констатировать, что в научном дискурсе значительно ослабла позиция сторонников либеральной трактовки гражданской идентичности на основе обоснования приоритетности гражданских прав и свобод личности. Доминирующее значение приобретает позиция, которая фактически отождествляет гражданскую идентичность и национальную идентичность. Это обусловлено, прежде всего, официальной установкой на внедрение в массовое сознание молодежи понимания социальной значимости государства и



его функциональности и необходимости соответствующей активной гражданской позиции каждого индивида в защите интересов данного государства и общества в целом.

Анализ литературы показал, что большинство исследователей не затрагивают особенности идентификации различных групп российской молодежи по отношению к СВО России на Украине. С одной стороны, это вполне объяснимо, учитывая сложность ситуации и неоднозначные возможные последствия в отношении каких-либо критических оценок со стороны исследователей. С другой стороны, существует потребность в объективном осмыслении новых линий размежеваний, которые по своей мотивационной значимости нередко ранжируются на более высоком уровне, чем традиционные партийно-идеологические и мировоззренческие предпочтения российской молодежи. Осмысление данных маркеров идентификации представляет собой важнейшую в теоретическом и практическом смыслах научную задачу.

Список литературы

1. Биринчи Э., Зверева М. С., Капицын В. М., Каратеев А. Ю., Пашин М. М., Сергазин Е. Ф., Тальская О. Д., Щегловитов А. Е. Национально-государственная идентичность: методологические и исторические аспекты // Вестник Московского государственного областного университета. 2023. № 1. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2023-1-1255>
2. Бугайчук Т. В. Гражданская идентичность молодого поколения россиян: специфика и закономерности становления // Социально-политические исследования. 2022. № 1 (14). С. 70–80. <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2022-1-14-70-80>
3. Гоголева Е. Н., Юрков С. Е. Политика идентичности в современной России: концептуализация в политическом дискурсе // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып 2. С. 76–85. <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2023-2-76-85>
4. Левичева В. Ф., Диманс С. Л. Социальная идентичность как результат неформальных взаимодействий «свой/чужой» // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2023. № 2. С. 73–83.
5. Мартынова М. Ю., Белова Н. А., Зыкина О. А., Кляус М. П. Общегражданские и социокультурные ценности в восприятии российской молодежи // Вестник антропологии. 2023. № 1. С. 102–124. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-1/102-124>
6. Русакова О. Ф. Дискурс государственной политики памяти как фактор формирования национальной идентичности современной России // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20, № 2. С. 32–51. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_32
7. Солдатенков И. В. Политическая идентичность в сети Интернет: проблема концептуализации // Via in Tempore. История. Политология. 2022. Т. 49, № 1. С. 197–206. <https://doi.org/10.52575/2687-0967-2022-49-1-197-206>
8. Топчиев М. С. Региональная коллективная идентичность: категориальный и структурный анализ // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 3 (72). С. 135–139. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_3_135
9. Фарахутдинов Ш. Ф., Ключева В. П. Групповая идентичность населения Западно-Сибирского региона России: этнокультурный и региональный аспекты // Siberian Socium. 2022. Т. 6, № 3 (21). С. 92–106.
10. Ерохин В. С. Нормативная природа гражданской идентичности персоны // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2022. Т. 5, № 1. С. 70–79. <https://doi.org/10.32326/2618-9267-2022-5-1-70-79>
11. Желудько Ю. В., Вашкевич А. В. Создание и апробация опросника «Гражданская идентичность» на базе ФГБОУ «МДЦ «Артек» // Обществознание и социальная психология. 2022. № 8 (38). С. 316–324. EDN: PECYZR
12. Расторгуев С. В. Типологизация политической идентичности современной российской молодежи // Власть. 2023. Т. 31, № 1. С. 30–35. <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i1.9458>
13. Семенов И. С. Прошлое на переднем крае политики идентичности // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, № 11. С. 65–76. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-11-65-76>
14. Капицын В. М. Стигматизация как угроза национальной идентичности (уроки прошлого для настоящего) // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14, № 1. С. 45–66. <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.1.3>, EDN: PQWMDB
15. Волков Ю. Г., Курбатов В. И. Гибридная идентичность: факторы формирования и формы проявления // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11, № 2. С. 15–23. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.2.1>, EDN: HVDEAS
16. Самаркина И. В., Башмаков И. С. Локальная идентичность: механизмы конвертации в конструктивные социально-политические практики молодежи // Полис. Политические исследования. 2021. № 2. С. 99–112. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.07>
17. Воробьева И. Н. Территориальная идентичность населения: методика эмпирического измерения // Siberian Socium. 2023. Т. 7, № 1 (23). С. 29–44.
18. Фадеева Л. А. Секьюритизация политики идентичности как аналитический инструмент // Вестник Пермского университета. Политология. 2023. Т. 17, № 2. С. 101–111. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2023-2-101-111>

Поступила в редакцию 10.09.2023; одобрена после рецензирования 19.09.2023; принята к публикации 29.09.2023
The article was submitted 10.09.2023; approved after reviewing 19.09.2023; accepted for publication 29.09.2023